

УДК 930.1:001.4
ББК 63.3(2)+72.5

О двух смыслах термина «наследие» в исторических и политических исследованиях*

Д.В. Березняков¹, С.В. Козлов²

¹Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Новосибирск, Россия)

²Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН (Новосибирск, Россия)

Two Meanings of the Term "Nasledie" in Historical and Political Studies

D.V. Bereznyakov¹, S.V. Kozlov²

¹Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

²State Public Scientific and Technological Library SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Отечественные исторические исследования в области наследия являются сложившейся академической практикой, которая имеет свою собственную организационную инфраструктуру, институционализированные форматы научной коммуникации и установившийся институт публикаций. При этом анализ опубликованных работ по данной проблематике показывает, что в большинстве отечественных публикаций наследие тематизируется в перспективе рассмотрения историко-культурных феноменов. Однако аналогично термину «политика» многозначность термина «наследие» в рамках русскоязычного научного дискурса создает условия для подмены понятий и, как следствие, некорректности исследовательских выводов. Как и в случае с термином «политика», обращение к англоязычному тезаурусу «наследия» может способствовать преодолению реальных и потенциальных трудностей и ошибок в исследовательской работе. Такая процедура предполагает различие между *legacy* и *heritage* (в случае с термином «политика» между *politics* и *policy*). *Legacy* концептуализирует механизм детерминированности настоящего прошлым, тогда как *heritage* имеет отношение к области политики памяти, когда наследие выступает в качестве процесса конструирования материальных и нематериальных объектов в механизме производства и воспроизводства разноуровневых политических идентичностей.

Ключевые слова: наследие (heritage), наследие (legacy), прошлое, настоящее, политическая идентичность, политика памяти, исследования наследия.

DOI: 10.14258/izvasu(2023)6-09

Russian *nasledie* studies are a complex academic practice with its own organizational infrastructure, institutionalized formats of scholarly communication and established publication framework. A survey of public activity in this area reveals that most such studies view *nasledie* as historical and cultural phenomena. At the same time, just like Russian term *politika*, the polysemantic term *nasledie* in the Russian-language scholarly discourse carries the risks for misinterpretation and consequently for inaccurate research conclusions. Reference to the English-language thesaurus of *heritage* can help to overcome real and potential difficulties and errors in the research work as it does in the term *politika*. This helps distinguish between *legacy* and *heritage* in *nasledie* (similarly to distinguishing between *politics* and *policy* in *politika*). The term *legacy* conceptualizes the ways the present is determined by the past, while *heritage* has to do with issues of memory politics where it serves to construct material and immaterial objects in the process of production and reproduction of multi-level political identities.

Keywords: nasledie (heritage), nasledie (legacy), the past, the present, political identity, memory politics, heritage studies.

---

* Статья подготовлена по плану НИР ГПНТБ СО РАН, проект «Эго-документы по истории Великой Отечественной войны и других военных конфликтов XX века из архивохранилищ востока России: проблемы выявления, атрибуции и публикации», № 123011300094-0.

Введение

Если обратиться к корпусу отечественной академической литературы, включая ее исторический и политологический сегменты, посвященному теме наследия, то даже на уровне его первичного анализа можно отметить две очевидные характеристики.

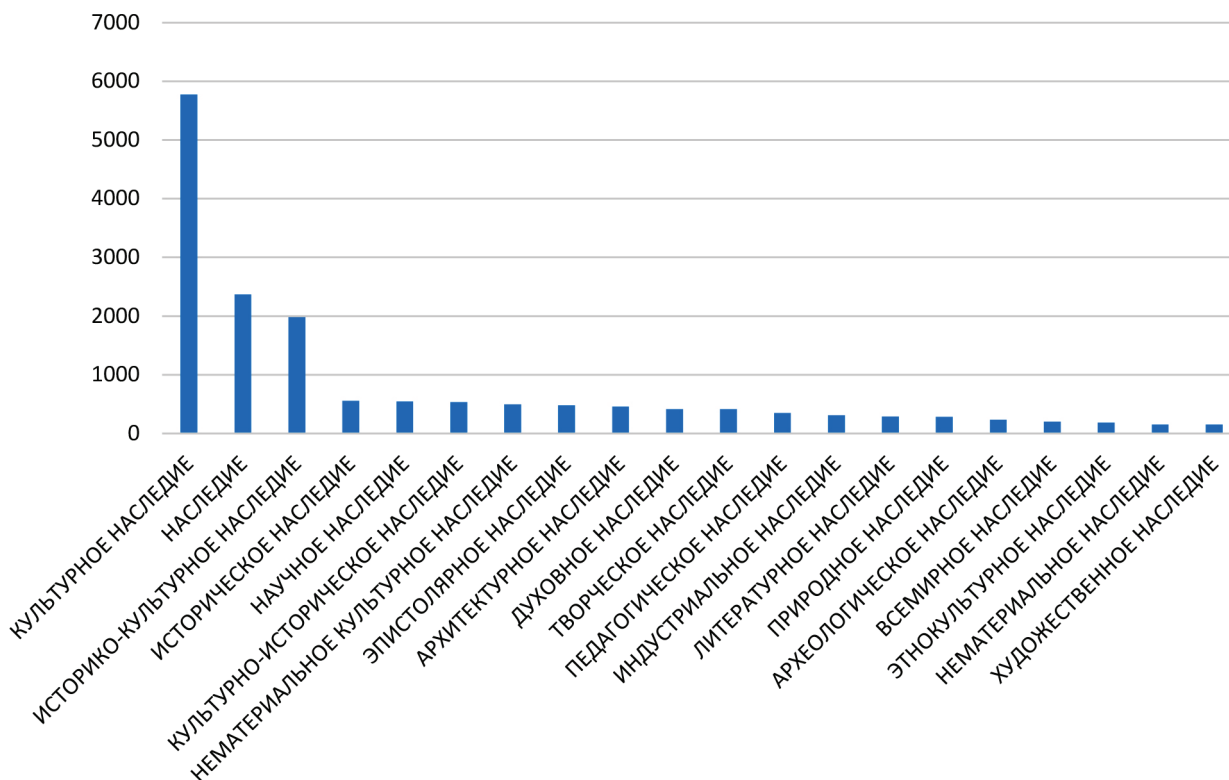
Во-первых, работы в этой области отчетливо демонстрируют устойчивость исследовательского интереса к данной теме и огромное количество публикаций, что в первую очередь связано с институционализацией профессиональных, академических и публичных сообществ, выступающих в качестве акторов современной российской культурной политики и политики памяти. Старейшим из этих акторов является основанное еще в РСФСР в 1965 г. Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) (см.: [1]) с его многочисленными отделениями по всей стране. Кроме него на федеральном уровне, если говорить об академических акторах, стоит упомянуть два из четырех научных институтов, находящихся в ведении Министерства культуры РФ: Государственный научно-исследовательский институт реставрации (ГосНИИР, основан в 1957 г. сначала как научная лаборатория) [2] и Российский научно-исследова-

тельский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (Институт наследия, основан в 1992 г.) [3], который издает четыре научных журнала по соответствующей тематике («Журнал Института наследия», «Культурное наследие России», «Культурологический журнал», электронный журнал «Наследие веков»). Еще одним академическим изданием в данной сфере является научный журнал «Наследие и современность» [4], который издается на базе Казанского федерального университета с 2018 г. В целом, можно говорить о том, что изучение наследия в современной России имеет свою собственную организационную инфраструктуру, институционализированные форматы научной коммуникации и установившийся институт публикаций.

Во-вторых, отечественные публикации по теме наследия на уровне терминологии ключевых слов демонстрируют тот очевидный факт, что наследие разнообразно. При обращении к базе данных научной электронной библиотеки eLIBRARY по ключевому слову «наследие» система выдает 3345 информационных единиц (табл.), причем количественное распределение публикаций четко демонстрирует всего лишь несколько наиболее употребляемых из них (данные на 06.09.2023).

Частотность упоминания ключевых слов с понятием «наследие» в статьях, размещенных в электронной библиотеке eLIBRARY

№	Ключевое слово	Публ.
1	Культурное наследие	5775
2	Наследие	2367
3	Историко-культурное наследие	1982
4	Историческое наследие	558
5	Научное наследие	548
6	Культурно-историческое наследие	533
7	Нематериальное культурное наследие	499
8	Эпистолярное наследие	480
9	Архитектурное наследие	461
10	Духовное наследие	414
11	Творческое наследие	414
12	Педагогическое наследие	348
13	Индустриальное наследие	313
14	Литературное наследие	288
15	Природное наследие	286
16	Археологическое наследие	234
17	Всемирное наследие	203
18	Этнокультурное наследие	185
19	Нематериальное наследие	156
20	Художественное наследие	151

Частотность упоминания ключевых слов с понятием «наследие» в статьях, размещенных в электронной библиотеке eLIBRARY

Как видно из приведенных выше данных, первое место в количественной иерархии отечественных публикаций с более чем двукратным отрывом от второго места занимает ключевое слово «культурное наследие» (5775 и 2367 публикаций соответственно), что говорит о тех исследовательских приоритетах и тематических акцентах в изучении наследия, характерных для отечественных авторов. При этом и другие ключевые слова из первой двадцатки свидетельствуют о том, что то, что понимается под наследием, тематизируется в первую очередь как историко-культурные феномены.

О многозначности термина «политика»

Вместе с тем в рамках русскоязычного научного дискурса термин «наследие» в определенном смысле можно сопоставить с базовым политологическим термином «политика», отличающимся своей многозначностью, которая очень часто приводит к смысловой путанице и методологической нечеткости научных построений. Эта многозначность в случае как «наследия», так и «политики» провоцирует подмену понятий и, как следствие, несоответствие исследовательских вопросов эмпирическому материалу, а также выводам, которые конструируются без учета рефлексии над различными смыслами используемой научной терминологии. То, что имеют

в виду авторы под наследием и политикой, очень часто становится понятно только из контекста употребления их аналитического инструментария, который при этом может представлять собой прямые заимствования из юридического тезауруса в том случае, когда имеются соответствующие нормативно-правовые акты, регулирующие ту или иную сферу социальной реальности. В этом случае автоматически предполагается, что легистские смыслы государственной терминологии, являющиеся частью того символического универсума классификаций, которые это государство производит, ничем не отличаются от научных категорий.

Вместо того, чтобы определять понятия самим, исследователи заимствуют их определения из текстов законов, что, по сути, означает признание того принципиального факта, что наука не обладает собственной автономией на производство смыслов, а должна экспортировать их в готовом виде из той сферы, которая является внешним объектом научной рефлексии. Тем самым «государство способствует, и не только через порождаемый им спрос, структурированию концептов, проблем и представлений, возникающих в голове у исследователей, подчиняя их своим собственным целям и действиям» [5, с. 57].

В русскоязычных политических исследованиях многозначность термина «политика», как правило,

преодолевается за счет обращения к англоязычной терминологии *political sciences*. Эта терминология, как известно, делает фундаментальное различие между *politics* и *policy*, или политикой как институционализированным *конфликтом акторов*, борющихся за политическую власть и ее удержание, и политикой как относительно стабильным, *имеющим цель курсом действий*, «которому следуют актор или ряд акторов при решении или при рассмотрении проблемы или интересующего вопроса» [6, с. 11–12]. Тем самым разграничивается агонально-конфликтное и менеджеральное измерение политики и, соответственно, структурируется само поле политических исследований.

Наследие-legacy и наследие-heritage

В случае с многозначностью термина «наследие» обращение к англоязычным исследованиям в данной области также позволяет внести терминологическую определенность и избежать актуальных или потенциальных проблем как на стадии конструирования дизайна научного исследования, так и в ходе его практической реализации.

Аналогично терминологической паре *politics* — *policy* в политических исследованиях, при обращении к работам в области изучения наследия, мы имеем пару *legacy* — *heritage*, которая фиксирует два самостоятельных измерения проблематики наследия в актуальном англоязычном дискурсе социальных и политических наук.

Дистанцируясь от реконструкции значений *«legacy»* и *«heritage»* в естественном языке (см., например: [7, с. 257–261]), которое предполагает разграничение метаязыков и языков-объектов, в соответствующей академической англоязычной литературе (т.е. в собственно метаязыковой сфере) можно увидеть, что термин *«legacy»* отсылает к реконструкции того, как историческое прошлое детерминирует актуальное настоящее. Иными словами, наследие-*legacy* предполагает механизм, который обеспечивает институциональную и символическую преемственность между последовательными этапами в развитии тех или иных социальных и политических образований. Это означает, что исследователь находит в настоящем те явления и процессы, которые являются либо этапом или результатом развития каких-либо явлений и процессов в прошлом, либо усматривает в этих явлениях и процессах воспроизводство некоторой константы, адаптирующейся к переменным контекстам внешней среды [8]. Соответственно, таким образом понятие наследия может позитивно или негативно воздействовать на настоящее, что, в свою очередь, предполагает неустранимый нормативный элемент, а именно, представление о некоем оптимуме, или «справедливом» и должном порядке, по отношению к которому оце-

нивается настоящее, испытывавшее воздействие «хорошего» или «плохого» прошлого. Этот нормативный порядок может локализовываться как в настоящем, так и в будущем.

В качестве краткой иллюстрации можно обратиться к некоторым современным исследованиям влияния советского наследия на постсоветское развитие России. Так, например, принимая, наряду с другими соавторами, комплексный анализ исторического наследия-*legasy* коммунизма в России и Восточной Европе, С. Коткин и М. Бейссинджер определяют его как «продолжительную *каузальную взаимосвязь* (выделено нами. — Д.Б. и С.К.) между прежними институтами и политическими курсами и последующими практиками и убеждениями, намного превышающую длительность существования тех режимов, институтов и политических курсов, которые их породили» [9, р. 7]. Эта каузальная взаимосвязь, с точки зрения авторов, реализуется через механизмы фрагментации (использование элементов старых институтов и практик в новом контексте), перевода (использование унаследованных институтов и практик для иных новых целей), установления параметров (ограничения материальной инфраструктуры, сформированной в прошлом, для формирования новых институтов в настоящем) и культурные схемы (восприятие тех или иных институтов и практик как приемлемых или неприемлемых) [9, р. 16].

В другом исследовании коммунистического наследия-*legasy*, предпринятого А. Либманом и А. Обыденковой, реконструируется институциональное, организационное и кадровое воздействие наследия КПСС на развитие различных сфер постсоветского общества. Как пишут авторы, «по сути, наследие можно определить как социальное или физическое явление, существующее после исчезновения той среды, в которой оно было создано. Очевидно, что социальная жизнь всегда порождает своего рода "наследие", поскольку наши действия всегда *ограничены выбором, который мы сделали в прошлом* (выделено нами. — Д.Б. и С.К.). В политической науке основное внимание уделяется тем наследиям, которые сохраняются, несмотря на (как может показаться) серьезные исторические разрывы» [10, р. 4–5].

Нетрудно заметить, что представленная выше концептуализация наследия-*legasy* апеллирует к методологии исторического неинституционализма, который, следуя классической формулировке Д. Норта, рассматривает историю как «изучение того, как вчерашний выбор влияет на сегодняшние решения» [11, с. 183], и предлагает знаменитую концепцию «зависимости от пройденного пути», когда определенный выбор, сделанный в прошлом, способен сформировать траекторию развития в длительной исторической перспективе.

В более широкой методологической оптике проблематика наследия-legacy отсылает к теоретическим дискуссиям о социальной эволюции, в рамках которых вопросы воспроизводства социально-политических целостностей, логики преемственности и разрывов, культурных и институциональных трансферов выходят на первый план [12–14].

В свою очередь термин «heritage» отсылает не к механизму детерминации настоящего прошлым, а к сфере политики памяти, понятой как «деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях — и законодательного регулирования» [15, с. 9]. Поэтому наследие-heritage предполагает противоположный наследию-legacy вектор детерминации, или обратную перспективу, а именно: не из прошлого в настоящее, а из настоящего в прошлое. Если, изучая наследие-legacy, мы анализируем современные институты, процессы и явления, которые детерминированы факторами прошлого, то в случае наследия-heritage мы исследуем то, как различные акторы политики памяти оперируют с материальными и нематериальными объектами прошлого, наделяя их символическим статусом важнейшего ресурса производства и воспроизводства разноуровневых коллективных идентичностей (макрополитической, национальной, региональной, локальной).

Как подчеркивает А.В. Фелькер, в рамках изучения наследия как академической дисциплины (*heritage studies*) центральная проблема заключается в том, «каким образом прошлое, понимаемое как комплекс объектов и смыслов, используется в настоящем — посредством практик и создания (новых) смыслов. Специалисты в данной области исходят из того, что наследие создается человеком путем выбора, что сохранять, а что нет, и путем формирования определенных дискурсов. Наследие включает в себя множество смыслов, зачастую конкурирующих друг с другом» [16, с. 30]. Это связано с тем, что на него направлена полифункциональная агентность человека — как сообществ разных уровней, так и отдельных индивидов. Прямым следствием этого принципиального факта является изменяемое во времени понимание наследия-heritage и практик его интерпретации [16, с. 30].

Выводы

Таким образом, предпринятая выше краткая реконструкция терминологической пары «legacy-heritage» отчетливо демонстрирует содержательные и концептуальные различия в употреблении этих понятий в научных исследованиях, учет которых в рамках русскоязычного академического дискурса может способствовать большей методологической строгости и корректности в использовании профессиональной исторической и политологической терминологии.

Библиографический список

1. Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. URL: <http://voorik.ru> (дата обращения: 06.09.2023).
2. Государственный научно-исследовательский институт реставрации. URL: <http://gosniir.ru> (дата обращения: 06.09.2023).
3. Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. URL: <http://heritage-institute.ru> (дата обращения: 06.09.2023).
4. Наследие и современность. URL: <https://nasledie.elpub.ru> (дата обращения: 06.09.2023).
5. Пэнто Л. Государство и социальные науки // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе : альманах Российско-французского центра социологии и философии Российской Академии наук. М., 2005.
6. Андерсон Дж. Публичная политика: Введение // Публичная политика: от теории к практике / сост. и науч. ред. Н. Ю. Данилова, О. Ю. Гурова, Н. Г. Жидкова. СПб., 2008.
7. Девель Л.А. Лексикографическое представление вокабулы «наследие» в русском языке и вокабулы «heritage» (наследие) в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 10. DOI: 10.30853/filnauki.2019.10.56.
8. Wittenberg J. Conceptualising Historical Legacies // East European Politics and Societies. 2015. Vol. 29. № 2.
9. Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe / Ed. by M.R. Beissinger, S. Kotkin. Cambridge, 2014.
10. Libman A., Obydenkova A.V. Historical Legacies of Communism: Modern Politics, Society, and Economic Development. Cambridge, 2021.
11. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М., 2010.
12. Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: воз-

возможности сравнительного анализа // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2017. № 4(87).

13. Гринин Л.Е., Марков А.В., Коротчаев А.В. Макро-эволюция в живой природе и обществе. М., 2008.

14. Ильин М.В. Существуют ли общие принципы эволюции? // Полис. Политические исследования. 2009. № 2.

15. Ильин М.В. Вновь о принципах эволюции // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. DOI: 10.17976/jpps/2020.01.08.

16. Фелькер А.В. Исследования наследия и политики памяти — в поисках общих подходов // Политическая наука. М., 2018. № 3. DOI: 10.31249/poln/2018.03.02.